

Павел Широглазов - поэт, член Союза писателей России, член Российского фольклорного союза. Родился 20 октября 1985 в Иркутске, живёт и работает в Череповце.

В настоящее время является сотрудником литературного музея Н. Рубцова, также занимается фольклорным театром. Автор трёх поэтических книг.

Стихи публиковались: «День поэзии» (Москва), «Вологодский Лад» (Вологда), «Завалинка» (Северодвинск), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), "Литературный Санкт-Петербург" (Санкт-Петербург), «Наш современник» (Москва), «День литературы» (Москва), «День литературы» (Москва), «Тамбов» (Тамбов) и др.

Павел Широглазов г. Череповец

Почтальон

Не следи за мной в четыре глаза:
Всё равно избавлюсь от «хвоста»,
И скупая матерная фраза
Осквернит блаженные уста.
Стану я, как фреска на фасаде
Украшать стороннее жильё.
Обнищаю духом Бога ради:
Я теперь небесный почтальон.
Ковыляю с кожаным баулом:
Адресатам письма разношу,
Но у света белого под дулом
Ничего другого не прошу.
И назло житейским оплеухам,
Вопреки неровностям судьбы,
Я живу и здравствую по слухам,
А одышка – это от ходьбы.

На каком языке нам сегодня придётся беседовать,
По каким закоулкам души ковылять босиком?
На каком «крузаке» ты приедешь меня исповедовать:
За какую такую любовь назовешь дураком?
Я внимаю словам убиенного тёзки-апостола:
Обнимаю весь мир и пускаю в него корешок.
Мне не нужен дворец: мне хватает дешевого хостела,
Да и ряса для грешной души – это просто мешок.
На каком «крузаке» ты приедешь меня исповедовать?
Всё, что скажешь приму, и последним с тобой поделюсь.
На каком языке нам сегодня придётся беседовать?
У святыни какой будем вместе вымаливать Русь?

Летели вороны над домом моим: пустые и вздорные птицы.
Безропотно плавился Ершалаим на выцветшей
книжной странице.
Волшебный нектар превратился в портвейн и сразу
был выпит на пару
С соседом по имени Левий Матвей.
А после рванули гитару
И пели издавшие виды псалмы, вплетая блатные словечки,
В мирское своё одиночество мы,
а солнце паслось на крылечке.
Я чувствовал Бога, но он был далёк, как шхуна,
забывшая сушу,
И Левий Матвей подсыпал уголёк в мою
неокрепшую душу.
Он мне говорил про отсутствие лжи и врал
через каждое слово.
Свобода от правды, как строгий режим лишает
всего остального.
Безропотно плавился Ершалаим. Сомнения грызли Пилата.
Летели вороны над домом моим в кровавых
лохмотьях заката.

Посох

Меня ты узнаешь из книг и постов,
А что до житейских вопросов,
Я самый беспомощный воин Христов:
Земная осина мой посох.
Неладное что-то творится в раю:
Павлины сбиваются в стаю.
Я всё, что имею – другим раздаю
И снова себя обретаю.
Пускай не умею я строить мостов,
В занозах душа и заносах,
Идёт нестигаемый воин Христов,
Сжимая осиновый посох...

Солнце

Мать-и-мачехи солнце овражное
На нетвердые ноги встаёт.
Понял в жизни я самое важное
И едва не лишился её.
Божий мир, словно шалого крестника
От неправды и зла берегу.
Я небесного слышу наместника,
А увидеть никак не могу.
Пусть снаружи оно и неражное,
Только верное слово моё.
Мать-и-мачехи солнце овражное
На нетвердые ноги встаёт...

Безвременье

Я обезлюдил изнутри, поизносив себя снаружи,
И сколько в душу не смотри, там только мартовские лужи.
Не верь, не бойся, не проси, живи и радуйся без денег:
Сегодня праздник на Руси, а завтра чистый понедельник.
И станет не для кого петь свою любовь и сырость вёсен:
Нам суждено перетерпеть нелепое многоголосье,
Где всякий всякому под стать и не заметен в общем хоре.
Всех книжек не перелистать и близких не утешить в горе.
И сколько в душу не смотри и не ищи первоисточник,
Сломали душу изнутри и заменили на подстрочник.
Нам исковеркали судьбу, чтоб мы в потемках измельчали
И не смогли начать борьбу за Слово, бывшее в начале...

Детство

На всякую душу – бездушная хмарь,
И город в привычном дыму.
Я улицу эту прочел, как букварь
Веселых лет двадцать тому.
Здесь были качели, скамейка и куст:
Ничейный терновый венец,
А впрочем, карман мой по-прежнему пуст,
И я всё такой же юнец.
Пацанские «терки», лихие дела
И нет продуктовых корзин,
А Лёхин родитель опять с похмела,
И Лёха бежит в магазин.
Холодное пиво, на речку гурьбой
Под самый Октябрьский мост:
Андрюха ещё не присел за разбой,
И Михе не светит погост.
Я память свою открываю, как ларь,
И город в привычном дыму.

Я улицу эту прочёл, как букварь
Далёких лет двадцать тому.

Сергею Хомутову в Рыбинск

Всё меньше людей, что прикроют в бою
Мою беззащитную спину.
Всё чаще я чувствую, как устаю
Плясать под свою окарину.
Всё ближе Господь, молчалив и велик,
И я себя больше не прячу:
Я слушаю ночью, как плачет кулик
И верую этому плачу.
Терновые чащи моих ивняков:
Деревни, радушные хаты,
И мудрая правда простых мужиков -
Все это уходит куда-то.
Скрывается в толще мирских передраг:
Наживе, обмане, вещизме.
Простите, коль что-нибудь было не так
В моей человеческой жизни.
Всё ближе Господь, молчалив и велик,
И я себя больше не прячу.
Я слушаю ночью, как плачет кулик
И верую этому плачу...